

МИР науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2018, №2, Том 9 / 2018, No 2, Vol 9 <https://sfk-mn.ru/issue-2-2018.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/13FLSK218.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Петров В.Б. Интертекстуальный дискурс в творчестве Михаила Булгакова // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2018 №2, <https://sfk-mn.ru/PDF/13FLSK218.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Petrov V.B. (2018). Intertextual discourse in the works of Mikhail Bulgakov. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 2(9). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/13FLSK218.pdf> (in Russian)

УДК 82; 82–2,3

ГРНТИ 17.09

Петров Василий Борисович

ФГБОУ ВО «Уральский государственный лесотехнический университет», Екатеринбург, Россия
Профессор кафедры «Социально-культурных технологий и иностранных языков»

Доктор филологических наук

E-mail: 45master91@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8877-5385>

Интертекстуальный дискурс в творчестве Михаила Булгакова

Аннотация. В статье исследуется своеобразие поэтики произведений Михаила Булгакова. Новизна подхода связана с рассмотрением феномена интертекстуальности на примере всего творческого наследия писателя, что позволяет выявить характерные черты идеостилия художника и высветить особенности концептосферы литературного процесса.

Целью исследования является изучение проблемы традиций и новаторства в творчестве М. Булгакова с учетом не только внешнего (маркированного и немаркированного) сходства его произведений с текстами других авторов в форме цитат, аллюзий и реминисценций, но и паратекстуальных соотношения булгаковского текста с одной из его частей (эпиграфом, вставным эпизодом, лейтмотивом), а также метатекстуальных связей между текстами (варианты сюжета, сквозные мотивы).

Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что высокая степень интертекстуальности булгаковского творчества, включение в художественную ткань произведений писателя «чужого слова» и «диалог» с ним обусловлена стремлением автора опереться на богатейший нравственно-эстетический потенциал классического искусства. Следование литературным традициям являлось для Булгакова не столько способом усвоения тех или иных приемов художественной изобразительности, сколько средством приобщения к нравственному опыту сокровищницы мировой культуры. Здесь берут начало ассоциативные связи его произведений (цитаты, аллюзии, и реминисценции) с творчеством Н. Гоголя и М. Салтыкова-Щедрина, А. Пушкина и Ф. Достоевского, Н. Некрасова и Л. Толстого, А. Грибоедова и В. Шекспира, Э. Гофмана и И. Гёте, Г. Уэллса и М. Севантеса.

Булгаковское наследие представляет собой удивительный нравственно-философский феномен, в основании которого ценностные ориентиры автора, ощущающего духовное родство со своими великими предшественниками.

Ключевые слова: Булгаков; интертекстуальность; дискурс; традиции; цитата; эпитафия; мотив

Яркое и самобытное творчество Михаила Булгакова представляет живой интерес для современного литературоведения. При этом проблема традиций и новаторства неизменно выходит на первый план. Обнаруживая многочисленные включения в тексты произведений писателя «...целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизменных цитат, аллюзий и реминисценций» [2, с. 346], исследователи обращаются к проблеме интертекстуальности на примере отдельных произведений (как правило, «Мастера и Маргариты»). «Интертекстуальность (интертекст) стала ключевым понятием современной культуры» [11, с. 81]. «Диалог текстов» (термин М. Бахтина) создал предпосылки не только для культурологических и лингвистических штудий, но и литературоведческих изысканий. Рассмотрение феномена «интертекстуальности» (термин Ю. Кристевой) в булгаковских произведениях является одним из ключевых аспектов исследования своеобразия их поэтики, поскольку позволяет выявить характерные черты идеологии художника и высветить особенности концептосферы литературного процесса, которая отчетливо просматривается «...в интертекстуальности как магистральном потоке переключек, взаимовлияний, взаимодействия писателей, их художественных систем» [11, с. 86].

Интертекстуальность творчества М. Булгакова обнаруживается «в виде точечных и малозаметных пересечений» [9, с. 48] не только с творчеством других авторов (внешняя интертекстуальность), но и с произведениями самого писателя (интертекстуальность внутренняя). При этом формами интертекстуальности являются и различного типа включения «чужого слова» (цитаты, аллюзии, реминисценции), и паратекстуальные соотношения текста с одной из его частей (эпитафией, вставным эпизодом, лейтмотивом), и метатекстуальные отношения между текстами (варианты сюжета, сквозные мотивы).

Зачастую интертекст выступает в качестве аллюзии, цитаты, эпитафии, структурно организующих действие или характеризующих главных героев. Например, аллюзия на ветхозаветных Адама и Еву («Адам и Ева») придает булгаковской пьесе узнаваемые мистериальные акценты. В результате мотивы библейского Потопа и Апокалипсиса (об этом свидетельствуют цитаты из Библии и сюжетные повороты пьесы) трагикомически переосмысливаются. Эпитафии к пьесе намечают сюжетную линию трагического противостояния идей классовой ненависти («Участь смельчаков, считавших, что газа бояться нечего, всегда была одинакова – смерть!») и всеобщего мира («...и я не буду больше поражать всего живущего, как Я сделал: впредь во все дни Земли сеяние и жатва не прекратятся»). И если первый эпитафия характеризует умонастроения центральных персонажей и самого автора («...все о той же гнусной и неестественной политике. <...> Наши газеты всячески раздувают события, хотя, кто знает, может быть, действительно мир раскалывается на две части – коммунизм и фашизм. Что будет – никому не известно» [5]). То второй (усеченная цитата из Книги Бытия) отражает надежду писателя на удачное разрешение классовых противоречий.

Эпитафия-цитата из «Капитанской дочки» к «Белой гвардии» («Пошел мелкий снег и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось с снежным морем. Все исчезло.

– Ну, барин, – закричал ямщик, – беда: буря!» [4, т. 1, с. 439]) не только передает эмоциональную тональность вихревой стихии булгаковского романа, созвучную блоковской поэме «Двенадцать», но и придает повествованию мистериальное звучание. В то же время второй эпитафия-цитата к роману из Откровения святого Апостола Иоанна Богослова «И

судимы были мертвые по написанному в книгах сообразно с делами своими...» акцентирует внимание на некоей вневременной точке зрения на происходящее и мотиве нравственного суда. Примечательно, что в следующем стихе Апокалипсиса, хотя он и не включен в булгаковский текст, читаем: «...и судим был каждый по делам своим». Так в подтексте мотив нравственного суда входит в судьбу каждого из героев романа.

Апокалипсические мотивы становятся обрамлением всего текста романа. «Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй. Был он обилен летом солнцем, а зимою снегом, и особенно высоко в небе стояли две звезды: звезда пастушеская вечерняя Венера и красный, дрожащий Марс» [4, т. 1, с. 439], – читаем первые строки романа. «Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918, но 1919 был его страшней» [4, т. 1, с. 678], – пишет автор в начале двадцатой, заключительной главы. Библейская аллюзия обозначает ассоциативную связь Апокалипсиса и революции, поскольку от нее ведут отсчет «страшные времена».

Пьеса «Бег» предваряется эпитафией-цитатой из стихотворения В.А. Жуковского «Певец во стане русских воинов». Уже здесь обозначена историческая и философская глубина произведения, намечены ценностные ориентиры, звучит мотив бессмертия и покоя – сквозной в булгаковском творчестве:

«Бессмертье – тихий, светлый берег;

Наш путь – к нему стремленье.

Покойся, кто свой кончил бег!...» [4, т. 3, с. 345].

Булгаков не только предпосылает эпитафию всей пьесе, но и снабжает эпитафиями каждую из восьми частей произведения. Эти эпитафии становятся своего рода паратекстуальным ключом к проникновению в глубинный смысл каждой из его частей. Они внутренне связаны между собой и словно продолжают друг друга. Эпитафии первых трех «снов» «Бега» («Мне снился монастырь...»; «Сны мои становятся все тяжелее...»; «Игла светит во сне...») эмоционально настраивают читателя на призрачность реального существования персонажей. В их конструкции ощущается нарастание трагической напряженности. Все последующие эпитафии («...и множество разноплеменных людей вышли с ними...» – *Книга Исхода; 12:38*; «...Янычар сбоит!...»; «...Разлука ты, разлука!...» – *слова из песни*; «...Три карты, три карты, три карты!...» – *из оперы «Ликовая дама*»; «...Жили двенадцать разбойников...» – *из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»*) последовательно раскрывают перипетии повествования и выделяют его смысловые узлы.

Характерно, что булгаковские эпитафии-цитаты часто буквально повторяются в последующем повествовании. Так, в финале «Белой гвардии» Русаков читает тяжелую книгу в кожаном желтом переплете: «И увидал я мертвых и великих, стоящих перед богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах сообразно с делами своими» [4, т. 1, с. 684]. В «Беге» эпитафия-цитата к седьмому «сну» предваряет последующее действие и повторяется в реплике Чарноты, напевающего: «Получишь смертельный удар ты... три карты, три карты, три карты...» [4, т. 3, с. 402], а эпитафия-цитата к восьмому «сну» сопровождается музыкальным комментарием («...хор у Артура на бегах: «Жили двенадцать разбойников и Кудеяр – атаман <...>, много разбойники пролили крови честных христиан...» [4, т. 3, с. 410]), и аллюзия на дальнейшее развитие событий в «Легенде о двух великих грешниках» созвучна монологам и поступкам Романа Хлудова:

«Кому на Руси жить хорошо»

«Вдруг у разбойника лютого
Совесьть господь пробудил.
Сон отлетел: опротивели
Пьянство, убийства, грабеж,
Тени убитых являются,
Целая рать – не сочтешь!...» [8, с. 463].

«Бег»

«ХЛУДОВ. ...Ты достаточно измучил меня... Но ведь нельзя же забывать, что ты не один возле меня... <...> Как ушел ты от вечного покоя? Ведь ты был не один. О нет, вас было много...» [4, т. 3, с. 405].

«Кому на Руси жить хорошо»

Совесьть злодея осилила,
Шайку свою распустил...
Странствует, молится, кается,
Легче ему не стает»
[8, с. 364].

«Бег»

Хлудов покидает армию, уезжает в Константинополь, но повсюду следует за ним призрак «красноречивого вестового»: «В какую даль проник за мной, и вот поймал, поймал меня в мешок!...» [4, т. 3, с. 405].

«Мастеру и Маргарите», как и «Бегу», автор предпосылает эпитаф-цитату, исполненную философским смыслом:

«...так кто ж ты, наконец?

– Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо» [4, т. 2, с. 323].

И если к гётевскому Мефистофелю едва ли применим тезис «хочет зла... и совершает благо», то булгаковский персонаж вполне его оправдывает.

Эпитафами-характеристиками сопровождает М. Булгаков роман «Жизнь господина де Мольера» и пьесу «Кабала святош», посвященные драматической судьбе великого комедиографа. «Что помешает мне, смеясь, говорить правду?» [4, т. 2, с. 7] – эта перефразированная цитата из сатир Горация («Не мешает правду сказать и шутя» [10]) акцентирует авторскую оценку личности великого предшественника и «перекликается» с державинским стихотворением «Бессмертие души»:

«...Сей дух и в узах не боится
Тиранам правду говорить:
Чего бессмертному страшиться?
Он будет и за гробом жить...» [6].

Не случаен и второй эпитафия к роману («Мольер был славный писатель французских комедий в царство Людовика XIV»), где на первом плане – творец, а не король, пусть даже получивший прозвище «король-солнце».

Столь же наглядно характеризует великого актера и драматурга эпитафия к пьесе «Кабала святош» – надпись на бюсте Мольера, установленном в 1773 году в зале Французской Академии:

«Rien ne manque a sa gloire.
Il manquait a la notre» [4, т. 3, с. 413].
(Для его славы ничего не нужно.
Он нужен для нашей славы)

Если отдельные произведения М. Булгакова изобилуют лейтмотивами, то все его творчество пронизано общими темами (человек в водовороте истории, быт и бытие, эксперименты с историей, художник и власть, мир – театр, добро и зло) и сквозными мотивами, каждый из которых, как правило, представлен антонимичной парой: бег – покой («Белая гвардия», «Дни Турбиных», «Бег», «Мастер и Маргарита»), дом – квартира («Белая гвардия», «Дни Турбиных», «Зойкина квартира», «Мастер и Маргарита»), вина – расплата («Красная корона», «Бег», «Мастер и Маргарита»), мнимость истины и подлинность веры («Тайному другу», «Театральный роман (Записки покойника)», «Мастер и Маргарита»), болезнь, безумие («Красная корона», «Дьяволиада», «Бег», «Адам и Ева», «Мастер и Маргарита»), двойничество («Дьяволиада», «Театральный роман (Записки покойника)», «Мастер и Маргарита»). Не случайно роман «Мастер и Маргарита» называют художественным завещанием писателя, поскольку в нем находят свое воплощение почти все сквозные мотивы булгаковского творчества.

В творческом наследии Булгакова одни и те же сюжеты и судьбы предстают перед читателем и в прозе, и в драматургии. Так, роману «Белой гвардии» предшествовали драма «Братья Турбины», рассказы «Необыкновенные приключения доктора» и «В ночь на третье число», где перед читателем появляется автобиографический герой, волею судеб оказавшийся в круговерти гражданской войны. Пьеса «Зойкина квартира» во многом перекликается и с «Китайской историей», и с булгаковскими фельетонами 20-х годов, в которых просматривается стремление драматурга по-гоголевски противопоставить «мертвым душам» обывателей и бюрократов, авантюристов и приспособленцев незыблемые нравственные ценности. В основе сатирических повестей «Роковые яйца» и «Собачье сердце» лежат не только реальные факты и литературные аллюзии («Война миров» Г. Уэллса), но и фельетоны самого Булгакова («Собачья жизнь», «Говорящая собака»). Пьеса «Багровый остров» органически связана и с романом Жюль Верна «Дети Капитана Гранта», и с фельетоном под аналогичным названием. Здесь получило травестийную аранжировку монументальное изображение революции. Пародируя идеологическую халтуру и методы бюрократического руководства искусством, Булгаков высказывает искреннюю тревогу за будущее русской культуры. Этим объясняются трагифарсовая нота в монологе Дымогацкого: «А судьи кто? За древностию лет к свободной жизни их вражда непримирима. Судженья черпают из забытых газет времен колчаковских и покоренья Крыма...» [4, т. 3, с. 336]. Перефразирование и переакцентировка первоисточника (в

данном случае текста грибоедской комедии) становится для писателя не только способом осовременивания классики, но и средством нестандартного донесения авторского замысла.

«Театральный роман (Записки покойника)» во многом вырастает из драматической буффонады «Багрового острова» и повести «Тайному другу». От «Театрального романа (Записок покойника)» прослеживается линия преемственности к роману «Мастер и Маргарита». Причем речь идет не только об образе дьявола, но и о его роли в судьбах героев. Гротескная стихия булгаковского мировидения по-гофмановски деформирует жизненные реалии, обнажая их скрытую противоречивость, а зачастую и абсурдность. Булгаков зачастую ведет своего рода игру с читателем. При этом интертекстуальность демонстрирует сакральный смысл его произведений. В «Мастере и Маргарите» inferнальное, проникая в реальный мир, внушает уже не мистический ужас, как в «Дьяволиаде», а робкую надежду на правый суд и справедливость.

По справедливому замечанию Р. Барта: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах...» [цит. по: 1, с. 36-37]. Так, в «Белой гвардии» просматриваются вполне маркированные реминисценции из Ф. Достоевского («валяется на полу... недочитанный Достоевский и глумятся «Бесы» отчаянными словами...» [4, т. 1, с. 489], который тоже предпосылает своему роману «Бесы» два эпиграфа. Первый – из одноименного стихотворения А. Пушкина, второй эпиграф – из Евангелия от Луки. При этом атмосфера, царящая в булгаковском романе, и умонастроения героев во многом стилистике Ф. Достоевского. Так, в «Бесах», рассуждая о будущем России и национальном характере, писатель Кармазинов произносит: «Святая Русь менее всего на свете может дать отпор чему-нибудь. Простой народ еще держится кое-как русским богом; но русский бог, по последним сведениям, весьма неблагонадежен, <...>. Если кораблю потонуть, то крысы первые из него выселяются. Святая Русь страна деревянная, нищая и... опасная <...> Тут всё обречено и приговорено. Россия, как она есть, не имеет будущности. Я сделался немцем и вменяю это себе в честь» [7, с.324]. К тем же мыслям то и дело возвращается булгаковский Алексей Турбин «бессмысленно возвращаясь к одному и тому же»: «Русскому человеку честь – одно только лишнее бремя...». А «во сне явился к нему маленького роста кошмар в брюках в крупную клетку (аллюзия на «Братьев Карамазовых» – В.П.) и глумливо сказал: – Голым профилем на ежа не сядешь?... Святая Русь – страна деревянная, нищая и... опасная, а русскому человеку честь – только лишнее бремя» [4, т. 1, с. 477].

К каким бы темам Булгаков ни обращался, почти во всех его произведениях ставится проблема нравственного суда над противоречивой, «феерической» [3] реальностью. При этом ценностным ориентиром становятся либо библейские источники (отсюда – ветхозаветные, евангельские реминисценции, апокалипсические мотивы и т. п.), либо литературно-философские традиции, эстетически переосмысленные художником. Важную оценочную роль при этом играют аллюзии и реминисценции.

Итак, высокая степень интертекстуальности булгаковского творчества обусловлена стремлением автора преломить богатейший нравственно-эстетический потенциал классического искусства через свое миропонимание. Этим объясняется не только включение в художественную ткань произведений писателя «чужого слова», но и диалог с ним. Для Булгакова следование литературным традициям являлось не столько способом усвоения тех или иных приемов художественной изобразительности, сколько средством приобщения к нравственному опыту сокровищницы мировой культуры.

Здесь берут начало ассоциативные связи его произведений (цитаты, аллюзии, и реминисценции) с творчеством Н. Гоголя («Вий» – «Мастер и Маргарита») и М. Салтыкова-Щедрина («Дикий помещик» – «Собачье сердце»), А. Пушкина («Зимний вечер» – «Александр Пушкин») и Ф. Достоевского («Бесы» – «Белая гвардия»), Н. Некрасова («Кому на Руси жить

хорошо» – «Бег») и Л. Толстого («Война и мир» – «Белая гвардия»), А. Грибоедова («Горе от ума» – «Багровый остров») и В. Шекспира («Гамлет» – «Багровый остров»), Э. Гофмана («Золотой горшок» – «Мастер и Маргарита») и И. Гёте («Фауст» – «Мастер и Маргарита»), Г. Уэллса («Война миров» – «Адам и Ева») и многих других.

Булгаковское наследие представляет собой удивительный нравственно-философский феномен, в основании которого ценностные ориентиры автора, ощущающего духовное родство со своими великими предшественниками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антология «Семиотика». Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: «Академический Проект»; Екатеринбург: «Деловая книга», 2001. – 691 с.
2. Арнольд И.В. Объективность, субъективность и предвзятость в интерпретации художественного текста // Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сб. статей. – СПб., 1999. – 443 с.
3. Булгаков М.А. Заметки автобиографического характера / РГБ, ОР, ф. 218, карт. 1269, ед. хр. 6.
4. Булгаков М.А. Избр. соч.: В 3 т. – М. – СПб.: Литература-Кристалл, 1997.
5. Булгаков М.А. Мой дневник (Публикация В.И. Лосева) // Булгаков Михаил. Собр. соч.: в 10 т. – Т.10. [Электронный ресурс]. Код доступа: <http://coollib.com/b/353510/read>.
6. Державин Г.Р. Соч. – СПб.: Академический проект, 2002. – 712 с. [Электронный ресурс]. Код доступа: <https://rupoem.ru/derzhavin/umolkni-cherneprosveschenna.aspx>.
7. Достоевский Ф.М. Бесы. – Лениздат, 1990. – 639 с.
8. Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо? // Некрасов Н.А. Полн. собр. соч.: В 11 т. – М.: ГИХЛ, 1949. – Т.3. – С. 153-394.
9. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности: Пер. с фр. / Общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 240 с.
10. Флакк К.Г. Собр. соч. – СПб.: Биографический институт, Студия биографика, 1993. [Электронный ресурс]. – Код доступа: http://lib.ru/POEEAST/GORACIJ/hor1_4.txt/.
11. Шиньев Е.П. Интертекстуальность как механизм культурного взаимодействия и социальный феномен // Вестник РУДН, серия Социология, 2010. – № 1. – С. 81-88.

Petrov Vasily Borisovich

Ural state forest engineering university, Yekaterinburg, Russia
E-mail: 45master91@mail.ru

Intertextual discourse in the works of Mikhail Bulgakov

Abstract. The article examines the originality of the poetics of Mikhail Bulgakov's works. The novelty of the approach is associated with the consideration of the phenomenon of intertextuality on the example of the whole creative heritage of the writer, which allows to identify the characteristic features of the artist's ideostyle and highlight the features of the conceptual sphere of the literary process.

The aim of the study is to study the problem of traditions and innovation in the works of M. Bulgakov, taking into account not only the external (marked and unmarked) similarity of his works with the texts of other authors in the form of quotations, allusions and reminiscences, but also the partextual relationship of the Bulgakov's text with one of its parts (epigraph, inserted episode, leitmotif), as well as metatextual communication between the texts (the options of the plot, cross-cutting motives).

The results of the study allow us to conclude that the high degree of intertextuality of Bulgakov's creativity, the inclusion in the artistic fabric of the writer's works of "another's word" and "dialogue" with him is due to the author's desire to rely on the rich moral and aesthetic potential of classical art. Following the literary traditions was not so much a way for Bulgakov to assimilate certain techniques of artistic depiction as a means of familiarizing himself with the moral experience of the Treasury of world culture.

Here originate associative links of his works (citations, allusions, and reminiscences) with the work of N. Gogol and Mikhail Saltykov-Shchedrin, A. Pushkin and F. Dostoevsky, N. Nekrasov and Tolstoy, A. Griboedov and V. Shakespeare, E. Hoffmann and Goethe, G. wells and M. Servantesa.

Bulgakov's heritage is an amazing moral and philosophical phenomenon, which is based on the value guidelines of the author, who feels spiritual kinship with his great predecessors.

Keywords: Bulgakov; intertextuality; discourse; tradition; quote; epigraph; motif

REFERENCES

1. (2001). Antologiiia «Semiotika». [*Anthology «Semiotics».*] Moscow: "Academic Project"; Ekaterinburg: "Business book", p. 691.
2. Arnold I.V. (1999). Obieektivnost, subieektivnost i predvziatost v interpretatsii khudozhestvennogo teksta. [*Objectivity, subjectivity and bias in the interpretation of literary text.*] Saint Petersburg, p. 443.
3. Bulgakov M.A. (n.d.). Zametki avtobiograficheskogo kharaktera. [*Autobiographical notes.*]
4. Bulgakov M.A. (1997). Izbrannye sochineniia. [*Selected works.*] Moscow, Saint Petersburg: Literature-Crystal.
5. Coollib. (n.d.). *Bulgakov M.A. My diary.* [online] Available at: <http://coollib.com/b/353510/read> (in Russian).
6. Rupoem. (2002). *Derzhavin G.R. Compositions. Saint Petersburg: Academic Project, p. 712.* [online] Available at: <https://rupoem.ru/derzhavin/umolkni-cherneprosveschenna.aspx> (in Russian).
7. Dostoevskii F.M. (1990). Besy. [*The demons.*] Leningrad: Lenizdat, p. 639.
8. Nekrasov N.A. (1949). Komu na Rusi zhit khorosho? [*Who lives well in Russia?*] Moscow: GIKhL, pp. 153-394.
9. Pege-Gro N. (2008). *Introduction to the theory of intertextuality.* [Russ. ed.: Vvedenie v teoriuu intertekstualnosti. Ed. by G.K. Kosikova. Moscow: Publishing house LCI, p. 240].
10. Lib. (1993). *Flakk K.G. Collected Works. Saint Petersburg: Biographical Institute, Biography Studio.* [online] Available at: http://lib.ru/POEEAST/GORACIJ/hor1_4.txt/ (in Russian).
11. Shinev E.P. (2010). Intertextuality as a mechanism of cultural interaction and a social phenomenon. *Bulletin of the RUDN*, 1, pp. 81-88. (in Russian).